

СОЦИАЛЬНЫЕ, ИСТОРИЧЕСКИЕ, КУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ

SOCIAL, CULTURAL RESEARCHES AND SECURITY

УДК 902/904

ЭТНОСОЦИАЛЬНАЯ СИСТЕМА И ПОЛИТОГЕНЕЗ НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЯ ВО II В. ДО Н.Э. — V В. Н.Э. (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ)¹

Н.Н. Серегин

 <https://orcid.org/0000-0002-8051-7127>

С.С. Матренин

 <https://orcid.org/0000-0001-7752-2470>

*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия,
e-mail: nikolay-seregin@mail.ru, matrenins@mail.ru*

DOI:10.14258/ssi(2020)4-07

Представлен опыт реконструкции особенностей формирования и эволюции этносоциальной системы, а также процессов политогенеза населения Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени. Ключевым подходом исследования является комплексный анализ материалов раскопок памятников булан-кобинской археологической культуры (II в. до н.э. — V в. н.э.). Основу источниковой базы составили более 750 погребений, изученных в различных частях Алтая. Установлено, что генезис социальной организации населения региона в этот период определялся сложными формами взаимодействия кла-

---

¹ Работа подготовлена в рамках государственного задания Алтайского государственного университета, проект № 748715Ф.99.1.БВ97АА00002 «Тюрко-монгольский мир „Большого Алтая“: единство и многообразие в истории и современности».

нов. Проведенное исследование показывает их неодинаковый статус на определенных этапах существования булан-кобинской культуры в разных районах Алтая, что, вероятно, отражает иерархию племен (кочевий). Важным фактором политогенеза населения региона было его включение в состав империй Хунну, Сяньби и Жужаней. Наиболее вероятной формой политического объединения скотоводов Алтая во II в. до н.э. — V в. н.э. является «племенная конфедерация» без самостоятельного руководящего центра в лице общего вождя и его аппарата.

Ключевые слова: Алтай, хуннуско-сяньбийско-жужанское время, археологические памятники, этносоциальная организация, политогенез, реконструкция

ETHNOSOCIAL SYSTEM AND POLITOGENESIS OF ALTAI POPULATION IN II CENTURY BC — V CENTURY AD (BASED ON MATERIALS OF ARCHAEOLOGICAL COMPLEXES)

N.N. Seregin

 <https://orcid.org/0000-0002-8051-7127>

S.S. Matrenin

 <https://orcid.org/0000-0001-7752-2470>

*Altai State University, Barnaul, Russia,
e-mail: nikolay-seregin@mail.ru, matrenins@mail.ru*

The article concerns the reconstructing the features of the formation and evolution of the ethnosocial system, as well as the processes of political genesis of the Altai population at the Xiongnu-Xianbei-Rouran period. The key approach of the research is a comprehensive analysis of materials from excavations of sites of the Bulan-Koby archaeological culture (II century BC — V century AD). More than 800 burials studied in different parts of Altai form the basis of the source base. It has been established that the genesis of the social organization of the population of the region during this period was determined by complex forms of interaction between different clans. The study shows their unequal status at certain stages of the existence of the Bulan-Koby archaeological culture in different regions of Altai, which probably reflects the hierarchy of tribes. The key factor in the political genesis of the region's population was its inclusion in the Xiongnu, Xianbei and Rouran empires. The most probable form of political unification of the Altai nomads in the II century BC — V century AD is a «tribal confederation» without an independent governing center in the person of a common leader and his apparatus.

Keywords: *Altai, Xiongnu-Xianbei-Rouran time, archaeological sites, ethnosocial organization, politogenesis, reconstruction*

Введение

Основным источником для реконструкции социально-политических процессов, происходивших на Алтае во II в. до н.э. — V в. н.э., выступают материалы раскопок комплексов булан-кобинской археологической культуры. Анализ обширных материалов (более 750 захоронений), полученных в результате полевых исследований в различных частях региона, позволил установить, что формирование и развитие обозначенной общности происходило на полиэтничной основе и определялось взаимодействием разных кланово-племенных образований. В этой связи важным этапом реконструкции общественной организации населения Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени является изучение соотношения выделенных социальных групп населения с разными погребальными традициями. Аргументом для этого исследовательского шага выступает доказанное на обширном этнографическом материале положение, согласно которому этническая и социально-имущественная стратификация в различной степени пересекались, что проявлялось в форме разделения на доминирующие («династийные», «старшие») и подчиненные («младшие», иные по генеалогии и (или) этническому происхождению) роды, племена, правящий «этнос-элиту», «двойную элиту», группы зависимого и эксплуатируемого населения (Савинов, 1979: 42–44; Першиц, 1994: 148; Масанов, 1995: 145–148; Крадин, 2001: 156–159; и мн. др.).

Реализация такого этапа реконструкции процессов социо- и политогенеза населения Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени базируется на выводах и заключениях, полученных ранее в рамках разноплановой интерпретации захоронений данной общности. В частности, одним из ключевых результатов стало выделение социальных моделей погребений, демонстрирующих вертикальную стратификацию рассматриваемого общества. Их подробная характеристика представлена в монографии авторов статьи (Серегин, Матренин, 2020: 92–107). Представленные далее построения изложены с учетом этих данных.

Традиции погребального обряда как показатель гетерогенности населения Алтая во II в. до н.э. — V в. н.э.

Изучение многочисленной серии раскопанных погребальных памятников Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени предоставляет основания для выделения нескольких погребальных традиций населения булан-кобинской культуры, отличающихся сочетанием четырех «этнодиагностирующих» показателей: ориентировка умерших людей головой по основным направлениям горизонта (сторонам света); наличие/отсутствие сопроводительного захоронения верхового коня; размещение животного в могиле относительно человека; форма надмогильного сооружения (Серегин, Матренин, 2016: 147–165).

Яломанская традиция — ингумация с ориентировкой умершего человека головой в восточный сектор (с отклонениями к северу и югу) в сопровождении лошади, уложенной «сверху» или «в ногах» покойного в курганах с кольцевой выкладкой-крепидой или многослойной стенкой. Данные погребения наиболее ярко фиксируют появление на Алтае в хуннуское время нового этнокультурного компонента, который, вероятно, составил костяк этноса-элиты раннебулан-кобинского

социума. Объекты яломанской традиции происходят из разновременных памятников II в. до н.э. — V в. н.э. Центрального Алтая (Яломан-II, Булан-Кобы-IV, Сары-Бел, Чендек, Белый-Бом-II, Бош-Туу-I). Обряд захоронения «яломанцев» обнаруживает наиболее близкие аналогии в археологических материалах кула-жургинского типа Верхнего Прииртышья скифо-сакского времени.

Улуг-чолтухская традиция — погребения по обряду ингумации головой в восточный сектор (с разными отклонениями) без лошади, под курганами с кольцевой выкладкой-крепидой или стенкой, реже без них. В ее формировании, по-видимому, приняло участие местное «непазырыкское» население скифо-сакского времени (оно отождествляется нами с погребениями без лошади в каменных ящиках, обкладках, рамах), а также выходцы из Верхнего Прииртышья, Тувы или Монголии. Погребальные объекты данной традиции исследованы на многих памятниках булан-кобинской культуры (Усть-Эдиган, Улуг-Чолтух-I, Чендек, Яломан-II, Сары-Бел, Белый Бом-II, Бике-I, Булан-Кобы-IV, Бош-Туу-I, Боочи, Пазырык, Урочище Балчикова-3, Степушка и др.). Количественно они преобладают в Центральном Алтае на протяжении II в. до н.э. — V в. н.э.

Карбанская традиция — погребения по обряду труположения с ориентировкой умершего человека головой в западный сектор (обычно с отклонением к северу) без лошади, под курганами с кольцевой выкладкой-крепидой, реже без нее. Объекты с такими признаками в преобладающей своей массе раскопаны в Северном Алтае (Карбан-I, Бике-I, Верх-Еланда-II, Дялян, Айрыдаш-I, Тыткескень-VI, Усть-Эдиган), где они известны уже в хуннское время (II в. до н.э. — I в. н.э.), но становятся многочисленными во II–V вв. н.э. В Центральном Алтае данные захоронения составляют приблизительно 20% и датируются преимущественно II–V вв. н.э. (Улита, Бош-Туу-I, Степушка, Чендек, Яломан-II). Происхождение этой погребальной традиции могло быть связано с переселением на Алтай племен из Восточного Казахстана, Тувы, Верхнего Прииртышья в связи с экспансией кочевой империи хунну в северные районы Центральной Азии на рубеже III–II вв. до н.э. Не исключено, что в этногенезе «карбанцев» приняли участие потомки населения аржано-майэмирского времени, вытесненного в свое время «пазырыкцами».

Берельская традиция — ингумация с ориентировкой покойных головой в восточном направлении (с разными отклонениями), в сопровождении верхового коня, уложенного сбоку от человека в северной или южной половине могильной ямы, под курганами с кольцевой выкладкой-крепидой и без таковой. Данные немногочисленные захоронения исследованы в Северном (Усть-Эдиган), Центральном (Степушка, Катанда-I) и Юго-Западном Алтае (Берель). В формировании обозначенной погребальной традиции определяющая роль принадлежала, по-видимому, племенам «пазырыкцев» Алтая скифо-сакского времени (Тишкин, Матренин, 2007: 50). Некоторые захоронения «берельцев» III–V вв. н.э. демонстрируют сложение у небольшой группы населения булан-кобинской культуры норм обрядности, ставших впоследствии характерными для тюрок Алтая второй половины V — XI в. н.э.

Айрыдашская традиция — ингумация с ориентировкой умерших головой в западный или северо-северо-западный сектор в сопровождении лошади, уло-

женной «сбоку» от человека вдоль длинной (северной) стенки могильной ямы, под курганами с кольцевой выкладкой-крепидой. Это серия разновременных объектов II в. до н.э. — V в. н.э. из Северного (Усть-Эдиган, Айрыдаш-I) и Центрального Алтая (Улита, Верх-Уймон, Чендек, Катанда-I, Степушка), оставленных смешанным населением, аккумулировавшим в трансформированном виде традиции местного и пришлого этнокультурных компонентов. Последний мог быть близким по происхождению с населением, оставившим одиночные захоронения с западной ориентировкой умерших. На территории Центрального Алтая погребения айрыдашской погребальной традиции появляются не ранее III в. н.э. и количественно преобладают на Верхней Катуні в составе некрополей второй половины IV — V в. н.э. Потомки «айрыдашцев» могли принять участие в завоевательных походах тюрок на территорию Минусинской котловины в VI в. н.э. (Серегин, Матренин, 2016: 174–181).

Дялянская традиция — ингумация человека головой в западный сектор (преимущественно с отклонением на север) в сопровождении коня, уложенного «сверху» или «в ноги» покойного под курганами с кольцевой выкладкой-крепидой, иногда стенкой. Данный вариант погребального обряда населения Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени является, по-видимому, результатом взаимодействия населения, практиковавшего труположение с лошадью «сверху» / в «ногах» человека и одиночные захоронения людей головой в западный сектор. Захоронения данной традиции исследованы на территории Северного (Усть-Эдиган, Дялян) и Центрального Алтая (Бош-Туу-I, Улита, Чендек).¹

Курайская традиция — ингумация головой «на запад» (часто с отклонением на север) без сопроводительного захоронения лошади, в курганах с прямоугольной выкладкой-крепидой или стенкой. Погребения «курайцев» исследованы в Южном (Кальджин-6) и Юго-Восточном Алтае (Курайка). Их появление связано с локальной миграцией во второй половине III — начале IV в. н.э. небольшой группы кочевников из Центральной Азии, возможно, с территории Тувы и Монголии. Пришлый характер данной погребальной традиции на Алтае демонстрируют заключения антропологов, согласно которым «курайцы» имели ярко выраженные признаки высокололицых монголоидов, резко отличающих их от местных популяций периода поздней древности (Чикишева, Поздняков, 2000).

Кок-Пашская традиция — труположение человека головой на юг, юго-восток без сопроводительного захоронения лошади, в курганах с прямоугольной оградой-стенкой либо крепидой. Погребения данной традиции раскопаны в Восточном (Кок-Паш, Пазырык) и Южном Алтае (Аккол-I). Они могли появиться на Алтае в результате аккультурации «курайцев» в среде населения булан-кобинской культуры.

Большинство носителей обозначенных традиций находились в тесном взаимодействии, так как были включены в семейно-брачные и производственные отношения. Они могли хоронить своих родственников на одном кладбище. При этом, несмотря на смешение отдельных групп скотоводов, в погребальном обряде

¹ Серия погребений дялянской традиции исследована в составе раскопанного недавно некрополя булан-кобинской культуры на комплексе Чобурак-I (Северный Алтай) (Серегин и др., 2018, 2019).

сохранялись отличия, маркирующие разное происхождение покойных. Последнее, на наш взгляд, демонстрирует незавершенность процесса этногенеза «булан-кобинцев».

Представленные погребальные традиции, отражающие, по-видимому, клановый уровень интеграции населения Алтая хуннско-сяньбийско-жужанского времени, были соотнесены с выделенными нами социальными моделями захоронений взрослых мужчин и женщин из памятников разных этапов булан-кобинской культуры. В результате удалось проследить некоторые тенденции этносоциальной дифференциации скотоводов региона на протяжении II в. до н.э. — V в. н.э.

Отметим, что при моделировании этносоциальной стратификации во внимание принимались только погребения взрослых людей, так как у детей и подростков обряд захоронения не всегда в полном объеме демонстрировал его принадлежность к определенной традиции (например, в отношении их обычно не практиковалось сопровождение верховым конем, допускалась ориентация головой в противоположную сторону в случае помещения в одну могилу нескольких человек).

Хуннское время

Для усть-эдиганского этапа булан-кобинской культуры (II в. до н.э. — I в. н.э.) выделено пять социальных моделей мужских и четыре модели женских захоронений.

Наиболее высокое положение в этносоциальной стратификации занимали носители яломанской погребальной традиции, возглавлявшие племенное объединение скотоводов Центрального Алтая. Вероятно, они были переселены туда во II в. до н.э. хунну (допускаем, что «яломанцы» попали в сферу влияния хунну еще до миграции на Алтай) для противовеса остальному горноалтайскому населению. Мужчины-«яломанцы» представляли элиту, средний и нижний слои булан-кобинского общества. Женская часть «яломанцев» относилась к двум привилегированным социальным слоям. В хуннский период «яломанцы» отличались достаточно равномерным соотношением мужской и женской части населения, что свидетельствует об их самодостаточности и, возможно, относительной обособленности. В данном контексте важно отметить небольшой процент объектов других погребальных традиций на памятнике Яломан-II, представляющем собой полностью раскопанный ранний булан-кобинский могильник на территории Центрального Алтая.

Расселявшиеся во II в. до н.э. — I в. н.э. в Северном Алтае «дялянцы» представлены мужскими и женскими погребениями, демонстрирующими привилегированный, средний и нижний слои социума. Малочисленные мужские захоронения «берельцев», раскопанные пока только в Северном Алтае, разделяются на социальные модели, соответствующие привилегированной и средней группам общества. Мужчины-«айрыдашцы» принадлежали к привилегированным и к среднему слоям населения булан-кобинской культуры Северного Алтая. В целом носителей айрыдашской, берельской и дялянкой погребальных традиций можно рассматривать в качестве представителей равноправных кланов, составлявших социальную верхушку кочевников Северного Алтая хуннского времени.

Более низкую позицию в этносоциальной стратификации занимала мужская часть носителей карбанской и улуг-чолтухской погребальных традиций, относящаяся к бедной части среднего слоя, а также к нижнему слою. При этом женщины-«карбанцы» могли входить в самый привилегированный слой, что, вероятно, было обусловлено их семейным положением.

Сяньбийское время

На белобомском этапе развития булан-кобинской культуры (II — первая половина IV в. н.э.) происходило усиление стратификации, а также наблюдалась интенсификация взаимодействия разных групп населения. Наиболее ярко это демонстрируют мужские захоронения, подразделяющиеся на восемь социальных моделей. Женская часть скотоводов Алтая во II — первой половине IV в. н.э. представлена четырьмя социальными моделями захоронений.

Доминирующее положение в кланово-племенной организации населения Центрального Алтая в рассматриваемый период сохраняли «яломанцы», хотя среди носителей данной погребальной традиции встречено довольно много мужчин с невысоким социальным статусом, принадлежавших к бедной части среднего слоя, а также к нижнему слою булан-кобинского общества. Достаточно высокий статус в сяньбийское время имели «берельцы» в Центральном Алтае и «айрыдашцы» в Северном и Центральном Алтае. Среди носителей данной традиции нет представителей нижнего социального слоя. Проживавшие на территории Центрального Алтая мужчины-«дялянцы» представлены в основном малоимущим рядовым населением. Только одно захоронение мужчины данной традиции демонстрирует более высокий социальный статус умершего человека.

Наиболее дифференцированными во II — первой половине IV в. н.э. стали носители улуг-чолтухской погребальной традиции, для которых выделено семь социальных моделей мужских и четыре модели женских захоронений. Отдельные мужчины-«улуг-чолтухцы» влились в привилегированный слой, хотя в целом среди них преобладали представители бедной части среднего слоя, а также индивиды, относившиеся к нижнему слою. Материалы некоторых памятников Центрального Алтая демонстрируют тесное взаимодействие их с «яломанцами» (Булан-Кобы-IV, Белый Бом-II), «яломанцами», «дялянцами», «карбанцами» (Бош-Туу-I), «берельцами», «айрыдашцами», «карбанцами» (Степушка), по-видимому, в результате хозяйственных отношений. Показательная ситуация зафиксирована на некрополях Булан-Кобы-IV и Белый Бом-II, где разные по происхождению, но имевшие одинаковый социальный статус мужчины хоронились рядом, в том числе в курганах, пристроенных друг к другу по принципу «сот». Женское население «улуг-чолтухцев» в Центральном Алтае могло поддерживать брачные связи с «яломанцами», «берельцами», «айрыдашцами», «карбанцами», «дялянцами».

Носители карбанской погребальной традиции в сяньбийское время представлены шестью социальными моделями мужских и тремя моделями женских захоронений. В этот период их социальный статус заметно повысился, и они вышли на ведущие позиции в Северном Алтае. С другой стороны, погребения мужчин

«карбанцев» из Центрального, Восточного, Южного Алтая относятся почти исключительно к нижнему слою булан-кобинского общества¹. Данное наблюдение также подтверждают захоронения женщин, среди которых наиболее низкое социальное положение занимали выходцы из Центрального Алтая.

Достаточно сложной представляется объективная оценка места в этносоциальной системе скотоводов Алтая сяньбийского времени «курайцев», погребения которых локализованы пока только в южном и юго-восточном районах рассматриваемого региона. Важно отметить малочисленность раскопанных объектов данной традиции, высокий процент среди них «безынвентарности», наличие в отдельных могилах единичных импортных вещей (украшения, бытовая утварь, детали одежды), в том числе из органических материалов, не зафиксированных в процессе раскопок других памятников Алтая². Судя по имеющимся археологическим данным, курайское взрослое население было слабо дифференцировано и принадлежало к бедной части среднего слоя и к нижнему слою изучаемого общества.

Единичные погребения кок-пашской погребальной традиции из Южного и Восточного Алтая относятся к нижнему социальному слою.

Жужанское время

На верх-уймонском этапе булан-кобинской культуры (вторая половина IV — V в. н.э.) стратификацию общества демонстрируют семь социальных моделей мужских и четыре модели женских погребений.

Элиту населения Центрального Алтая в обозначенный период составляли «яломанцы». По своему статусу им были близки «берельцы» и «айрыдашцы», которые возглавляли локальную группу населения Верхней Катунки и, возможно, контролировали западные и юго-западные границы территории расселения племен булан-кобинской культуры. У населения Северного Алтая в жужанское время на ведущих позициях находились носители дялянкой погребальной традиции.

В этносоциальной структуре скотоводов Восточного Алтая во второй половине IV — V в. н.э. наиболее высокое положение занимали «кок-пашцы». Они, по-видимому, составляли локальную элиту скотоводов, проживавших на данной территории. Им немного уступали «улу-чолтухцы», среди которых имелись как индивиды с максимально привилегированным статусом, так и представители среднего и нижнего слоев изучаемого общества.

Анализируемые археологические материалы показывают, что на заключительном этапе существования булан-кобинской культуры наиболее низкое положение в социальной стратификации имели носители карбанской погребальной традиции, которые проживали в разных частях Алтая. Они представляли население со средним материальным достатком, а также малоимущих рядовых общинников.

¹ Показательно, что на некрополе Бош-Туу-1, содержащем в целом достаточно «бедные» инвентарем мужские погребения разных традиций, предметы вооружения ни разу не обнаружены в могилах «карбанцев».

² Однозначно говорить об их низком социальном положении вряд ли возможно, с учетом того, что на памятнике Курайка раскопан «богатый» детский курган №48, который следует связывать с представителем верхнего слоя булан-кобинского социума.

Обозначенные тенденции корреляции социальных моделей захоронений взрослого населения с погребальными традициями свидетельствуют о заметном влиянии происхождения (клановой принадлежности) на статус в изучаемом обществе. Генезис социальной организации населения Алтая в хуннуско-сяньбийско-жужанское время определялся сложными формами взаимодействия кланов. Проведенное исследование показывает их неодинаковый статус на определенных этапах существования булан-кобинской культуры в разных районах Алтая, что, вероятно, отражает иерархию племен (кочевий)¹. Клановое подразделение, которое доминировало бы в рамках всего рассматриваемого региона на протяжении II в. до н.э. — V в. н.э., на имеющихся материалах пока не выделяется.

Социально-имущественная дифференциация не привела к возникновению у «булан-кобинцев» Алтая ранжированного сословного деления, предполагающего устойчивый набор предписаний и правил, жестко регламентирующих, в том числе в наследственной форме, неравенство между людьми. В рассматриваемом обществе сохранялись возможности для вертикальной мобильности благодаря личным качествам, персональным воинским заслугам.

Проблема политогенеза населения Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени

Ключевым фактором политогенеза населения булан-кобинской культуры Алтая было его включение сначала в состав кочевой империи Хунну (II в. до н.э. — I в. н.э.) в качестве одной из северных провинций, затем в орбиту влияния сяньбийских государств (II — первая половина IV в. н.э.), а после этого — во владения Жужанского каганата (вторая половина IV — V в. н.э.). Изменение контроля над регионом со стороны держав центрально-азиатских номадов влияло на развитие этносоциальных процессов.

В хуннуский и сяньбийский периоды руководство племенами² осуществляли, вероятно, главы доминирующих кланов, выступавших одновременно старейшинами кочевых общин. Во время военных действий они выполняли функции выборных военачальников («вождей»). Племя обходилось без политической интеграции, и не исключено, что могло иметь несколько временных руководителей, власть которых была невелика. Роль отсутствовавшего регулярного политического лидера выполнял доминирующий клан, а решения по всем важнейшим вопросам принимал, скорее всего, коллегиальный орган управления (совет племени?).

Приведенный нами вариант реконструкции кланово-племенной структуры типологически максимально сопоставим с хорошо изученной по письменным

---

¹ Данные образования могут быть представлены территориальными группами погребальных памятников Центрального, Северного, Восточного, Южного и Юго-Восточного, возможно, Западного и Северо-Западного Алтая, среди которых выделяются локальные подгруппы (Верхне-Катунская, Среднекатунская, Нижнекатунская, Урскульская, Чуйская, Ак-Алахинская, Чулышманская, Улаганская, Бухтарминская, Верхне-Чарышская).

² При изучении многих скотоводческих обществ отмечено, что между кланом (родом) и племенем могла существовать еще одна связующая структура, обозначаемая в специальной литературе как фратрия или подплемя (Хазанов, 2002: 220–221). Идентифицировать данный социальный сегмент на археологических материалах не представляется возможным.

источникам моделью, выявленной для ряда кочевых народов, среди которых, например, ухуани, сяньби (Таскин, 1980: 70–71; Материалы..., 1984: 63–64, 327; Крадин, 1993: 33–34, 37–40; 1994: 22–36), монголы XI–XII вв. (Владимирцов, 1934: 79, 80), туркмены (Хазанов, 2002: 292–293).

Переход булан-кобинского общества от акефального устройства к более устойчивой политической организации с развитой военно-иерархической структурой, вероятно, произошел в жужанское время. Важным каналом институционализации и централизации на уровне отдельных племен стало расширение функций военных предводителей и дружины, превращавшихся, по-видимому, в самостоятельную ветвь власти. Однако о формировании служилого слоя в строгом значении этого понятия говорить не приходится.

Анализ археологических источников позволяет сделать вывод об отсутствии на территории Алтая погребальных комплексов, представлявших элиту объединения всех булан-кобинских племен в течение II в. до н.э. — V в. н.э. Социально-политическая верхушка населения была по своему характеру локальной. Таким образом, централизованная социально-политическая организация, какой являлось «суперсложное вожжество — раннее государство» скотоводов Алтая скифо-сакского времени (Тишкин, Дашковский, 2003: 223, 287), во II в. до н.э. сменила менее структурированная на общетерриториальном уровне кланово-племенная система. Данная трансформация стала результатом политики метрополий кочевых империй Центральной Азии. Так, в китайских династийных хрониках засвидетельствовано, что хуннские шаньюи и их преемники, заинтересованные в эффективном управлении и эксплуатации покоренных народов, проводили физическое устранение или значительное ослабление местной аристократии, поощряя менее влиятельные родовые группировки, осуществляли насильственное переселение племен, а также практиковали установление во главе завоеванных областей своих наместников или представителей других этносов (Худяков, 1986: 134).

Археологические материалы свидетельствуют, что после северных военных компаний хунну во II в. до н.э. на Алтае исчезла элита населения пазырыкской культуры и произошли кардинальные изменения в расстановке сил местных групп населения при определяющей роли пришлого этнокультурного компонента. Одним из приоритетов «национальной» политики хунну являлось поддержание лидирующих позиций мигрантов и местного, «окраинного», ранее зависимого от «пазырыкцев» населения. Во II в. до н.э. — I в. н.э. в роли таких наместников хунну в Центральном Алтае могли быть «яломанцы» (Тишкин, Матренин, 2007: 50–51; Серегин, Матренин, 2016: 145–147). Для контроля над территорией хунну опирались, кроме того, на собственные военные гарнизоны, которые размещались на южном и юго-восточном рубежах Алтайской горной страны¹. На возможность их присутствия там указывает пункт стационарного гончарного производства на р. Юстыд,

¹ Другая модель взаимоотношений центра и периферии кочевой империи представлена в Туве, где в настоящий момент раскопаны элитные курганы (Бай-Даг-II), принадлежащие хунну или интегрированным в их среду выходцам из местной знати. При всей дискуссионности вопроса о культурной принадлежности этих объектов вполне определенным является факт проживания на Верхнем Енисее представителей метрополии (Николаев, 1992).

а также факты присутствия хуннской керамики в насыпях курганов пазырыкской культуры (Савинов, 1978; Кубарев, Журавлева, 1986; Худяков, 1993: 32). В сяньбийское время «булан-кобинцы», вероятно, обрели большую самостоятельность от номадов Центральной Азии. Отчасти это подтверждается отсутствием существенно выделяющихся по социальному статусу погребений, находящихся только в одном районе Алтая. В дальнейшем сохранение децентрализации горноалтайских племен было также важной частью политики Жужанского каганата.

Заключение

Анализ представительного корпуса археологических материалов, а также корреляция полученных данных со сведениями письменных источников об особенностях организации номадов показывают, что наиболее вероятной формой политического объединения населения Алтая в хуннско-сяньбийско-жужанское время является «племенная конфедерация» без самостоятельного руководящего центра в лице общего вождя и его аппарата. Статус членов конфедерации в течение II в. до н.э. — V в. н.э., был неодинаковым, что связано с поддержкой метрополиями кочевых империй Центральной Азии разных местных кланов и племен.

Похожая картина этнополитического развития общества скотоводов эпохи поздней древности зафиксирована в письменных источниках, сообщающих об истории ухуаней, которые после поражения от шаньюя Модэ превратились в аморфную этническую общность, не имевшую специализированных органов управления, в то время как их предки — дунху — еще в конце III в. до н.э. были централизованы и возглавлялись одним вождем (Таскин, 1980: 73; Крадин, 1993: 39; 2001: 159).

В заключение можно сделать вывод о том, что социальная организация носителей булан-кобинской культуры Алтая включала несколько типов стратификации (этносоциальная, половозрастная, социально-имущественная, профессиональная), которые имели общие и особенные черты в сравнении с социальными институтами других скотоводческих народов Азии эпохи поздней древности и средневековья. Булан-кобинское общество представлено тремя уровнями социальных организмов: 1) семья и «кочевая» община; 2) клан; 3) племя и племенная конфедерация. На первых двух ступенях социальной интеграции доминировали производственные (хозяйственные) и реальные кровнородственные связи, а на высшей — господствовали неэкономические (генеалогические, политические) отношения.

Возможности дальнейшего исследования социальной истории населения Алтая II в. до н.э. — V в. н.э. связаны с продолжением работы по усовершенствованию приемов анализа погребального обряда для осуществления реконструкций различного характера с опорой на комплексный подход. Важным условием для последующих разработок в этой области является многоплановое изучение антропологических материалов. Выход на решение отдельных проблем невозможен без расширения сферы применения в социальной археологии методов естественных наук, что должно стать делом большего числа специалистов различных дисциплин. Значительные перспективы связаны с масштабными палеогенетическими исследо-

ваниями. Реализация обозначенных направлений позволит перейти на более высокий уровень интерпретационного осмысления уже имеющихся и новых археологических источников.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л.: Изд-во АН СССР, 1934.

Крадин Н.Н. Империя Хунну. М.: Логос, 2001.

Крадин Н.Н. Некоторые аспекты этносоциальной истории древних ухуаней. В кн.: Проблемы этнокультурной истории Дальнего Востока и сопредельных территорий. Благовещенск: Благовещенский гос. пед. ин-т, 1993. С. 33–41.

Крадин Н.Н. Социальный строй сяньбийской державы. В кн.: Медиевистские исследования на Дальнем Востоке России. Владивосток: Дальнаука, 1994. С. 22–36.

Кубарев В.Д., Журавлева А.Д. Керамическое производство хуннов Алтая. В кн.: Палеоэкономика Сибири. Новосибирск: Наука, 1986. С. 101–119.

Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельности кочевнического общества). Алматы: Социнвест; М.: Горизонт, 1995.

Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. М.: Наука, 1984.

Николаев Н.Н. К вопросу о реконструкции социальных отношений племен Саяно-Алтая в предтюркское время. В кн.: Вторые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск: ОмГУ, 1992. С. 82–84.

Першиц А.И. Война и мир на пороге цивилизации. Кочевые скотоводы. В кн.: Война и мир в ранней истории человечества. М.: Изд-во Ин-та этнологии и антропологии РАН, 1994. Т. II. Ч. 3. С. 129–231.

Савинов Д.Г. О завершающем этапе культуры ранних кочевников Горного Алтая. Краткие сообщения Института археологии, 1978. No. 154, 48–55.

Савинов Д.Г. Об этническом аспекте образования раннеклассовых государств в Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. В кн.: Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск: ОмГУ, 1979. С. 41–45.

Серегин Н.Н., Матренин С.С. Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н.э. — XI в. н.э. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016.

Серегин Н.Н., Матренин С.С. Социальная история населения Алтая в эпоху кочевых империй (II в. до н.э. — XIV в. н.э.): по материалам археологических комплексов. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020.

Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Горбунов В.В., Матренин С.С. Начало исследований некрополя сяньбийско-жужанского времени на комплексе Чобурак-I (Северный Алтай). Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края, 2018. No. 24, 136–144.

Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Матренин С.С., Паршикова Т.С. Погребение жужанского времени из Северного Алтая (по материалам могильника Чобурак-1). Теория и практика археологических исследований, 2019, No. 4, 51–68.

Таскин В.С. Материалы по истории ухуаней и сяньби. В кн.: Дальний Восток и соседние территории в средние века. История и культура Востока Азии. Новосибирск: Наука, 1980. С. 54–78.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003.

Тишкин А.А., Матренин С.С. Сравнительный анализ погребального обряда населения Горного Алтая скифо-сакского и хуннского времени. Теория и практика археологических исследований, 2007, No. 3, 39–56.

Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Алматы: Дайк-Пресс, 2002.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986.

Худяков Ю.С. Археология Южной Сибири II в. до н.э. — V в. н.э. Новосибирск: НГУ, 1993.

Чикишева Т.А., Поздняков Д.В. Антропология населения Горного Алтая в гунно-сарматское время. Археология, этнография и антропология Евразии, 2000, No. 3, 116–131.

REFERENCES

Vladimircov, B.Ya. (1934). *Obshchestvennyj stroj mongolov. Mongol'skij kochevoj feodalizm* [The social system of the Mongols. Mongol nomadic feudalism]. L.: Izd-vo AN USSR.

Kradin, N.N. (2001). *Imperija Hunnu* [Xiungnu Empire]. M.: Logos.

Kradin, N.N. (1993). Nekotorye aspekty etnosocial'noj istorii drevnih uhuaney [Some aspects of the ethnosocial history of the ancient Wuhuans]. In: *Problemy etnokul'turnoj istorii Dal'nego Vostoka i sopredel'nyh territorij* [Problems of the ethnocultural history of the Far East and adjacent territories] (pp. 33–41). Blagoveshhensk: Blagoveshchenskij gos. ped. In-t.

Kradin, N.N. (1994). Social'nyj stroj syan'bijskoj derzhavy [The social structure of the Xianbei state]. In: *Medievistskie issledovaniya na Dal'nem Vostoke Rossii* [Medieval Studies in the Russian Far East] (pp. 22–36). Vladivostok: Dal'nauka.

Kubarev, V.D., Zhuravleva, A.D. (1986). Keramicheskoe proizvodstvo hunnov Altaya [Ceramic production of Altai Xiungnu]. In: *Paleoekonomika Sibiri* [Paleoeconomics of Siberia] (pp. 101–119). Novosibirsk: Nauka.

Masanov, N.E. (1995). *Kochevaya civilizaciya kazahov (osnovy zhiznedeyatel'nosti nomadnogo obshchestva)* [Nomadic civilization of the Kazakhs (the basics of the life of a nomad society)]. Almaty: Socinvest; M.: Gorizont.

Materialy po istorii drevnih kochevyh narodov grupy dunhu [Materials on the history of the ancient nomadic peoples of the Donghu group] (1984). M.: Nauka.

Nikolaev, N.N. (1992). K voprosu o rekonstrukcii social'nyh otnoshenij plemen Sayano-Altaya v predtyurkskoe vremya [On the issue of reconstruction of social relations of the Sayan-Altai tribes in the pre-Turkic time]. In: *Vtorye istoricheskie chteniya pamyati M.P. Gryaznova* [Second historical readings in memory of M.P. Gryaznov] (pp. 82–84). Omsk: OmGU.

Pershic, A.I. (1994). Vojna i mir na poroge civilizacii. Kochevye skotovody [War and peace on the threshold of civilization. Nomadic pastoralists]. In: *Vojna i mir v rannej istorii chelovechestva* [War and peace in early human history] (pp. 129–231). M: Izd-vo In-ta etnologii i antropologii RAN, 1994. T. II. V. 3.

Savinov, D.G. (1978). O zavershayushhem etape kul'tury rannih kochevnikov Gornogo Altaya [On the final stage of the culture of the early nomads of Gorny Altai]. *Brief reports of the Institute of Archeology*, no. 154, 48–55.

Savinov, D.G. (1979). Ob etnicheskom aspekte obrazovaniya ranneklassovyh gosudarstv v Central'noj Azii i Yuzhnoj Sibiri v epohu rannego srednevekov'ya [On the ethnic aspect of the formation of early class states in Central Asia and Southern Siberia in the early Middle Ages]. In: *Etnogenez i etnicheskaya istoriya tyurkoyazychnyh narodov Sibiri i sopredel'nyh territorij* [Ethnogenesis and ethnic history of the Turkic-speaking peoples of Siberia and adjacent territories] (pp. 41–45). Omsk: OmGU.

Seregin, N.N., Matrenin, S.S. (2016). *Pogrebal'nyj obryad kochevnikov Altaya vo II v. do n.e. — XI v. n.e.* [Funeral rite of Altai nomads in the II century BC — XI century AD]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta.

Seregin, N.N., Matrenin, S.S. (2020). *Social'naya istoriya naseleniya Altaya v epohu kochevyh imperij (II v. do n.e. — XIV v. n.e.): po materialam arheologicheskikh kompleksov* [Social history of the Altai population in the era of nomadic empires (II century BC — XIV century AD): based on the materials of archaeological complexes]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta.

Seregin, N.N., Tishkin, A.A., Gorbunov, V.V., Matrenin, S.S. (2018). Nachalo issledovanij nekropolya syan'bijsko-zhuzhanskogo vremeni na komplekse Choburak-I (Severnyj Altaj) [Beginning of research into the necropolis of the Xianbei-Rouran period at the Choburak-I complex (Northern Altai)]. *Preservation and study of the cultural heritage of the Altai Territory*, no. 24, 136–144.

Seregin, N.N., Tishkin, A.A., Matrenin, S.S., Parshikova, T.S. (2019). Pogrebenie zhuzhanskogo vremeni iz Severnogo Altaja (po materialam mogil'nika Choburak-I) [Burial of the Rouran period from Northern Altai (based on materials from the Choburak-I burial ground)]. *Theory and practice of archaeological research*, no. 4, 51–68.

Taskin, V.S. (1980). Materialy po istorii uhuaney i syan'bi [Materials on the history of the Wuhuan and Xianbei]. In: *Dal'nij Vostok i sosednie territorii v srednie veka. Istoriya i kul'tura Vostoka Azii* [Far East and neighboring territories in the Middle Ages. History and culture of East Asia] (pp. 54–78). Novosibirsk: Nauka.

Tishkin, A.A., Dashkovskij, P.K. (2003). *Social'naya struktura i sistema mirovozzrenij naseleniya Altaya skifskoj epohi* [Social structure and the system of worldviews of the Altai population of the Scythian era]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta.

Tishkin, A.A., Matrenin, S.S. (2007). Sravnitel'nyj analiz pogrebal'nogo obryada naseleniya Gornogo Altaya skifo-sakskogo i hunnuskogo vremeni [Comparative analysis of the fu-

neral rite of the population of Gorny Altai of the Scythian-Saka and Hunnu times]. *Theory and practice of archaeological research*, no. 3, 39–56.

Hazanov, A.M. (2002). *Kochevniki i vneshnij mir* [Nomads and the outside world]. Almaty: Dajk-Press.

Hudyakov, Yu.S. (1986). *Vooruzhenie srednevekovyh kochevnikov Yuzhnoj Sibiri i Central'noj Azii* [Armament of medieval nomads of Southern Siberia and Central Asia]. Novosibirsk: Nauka.

Hudyakov, Yu.S. (1993). *Arheologiya Yuzhnoj Sibiri II v. do n.e. — V v. n.e.* [Archeology of Southern Siberia of II century BC — V century AD]. Novosibirsk: NGU.

Chikisheva, T.A., Pozdnyakov, D.V. (2000). Antropologiya naseleniya Gornogo Altaya v gunno-sarmatskoe vremya [Anthropology of the population of Gorny Altai in the Xiungnu-Sarmatian time]. *Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*, 2000, no. 3, 116–131.